

Алексей КАЗАКОВ

г. Челябинск

Удаляясь, время обладает и способностью приближать, укрупнять прошлое. По прошествии десятилетий со дня первой встречи с Юрием Валентиновичем Трифоновым (1925–1981) образ писателя видится мне в более полном, зримом объеме, как характер, душа.

Он всегда был неспешен, спокоен и весок. Эта внешняя степенность постоянно скрывала, как бы скрадывала, сглаживала созидательную мощь его духовного творческого потенциала. Страсть его души понятна и видна была далеко не каждому. По отношению к Трифонову всякие банальности неуместны, он сам всегда избегал их. Поэтому и говорить о Трифонове надо без всякой литературной натужности. На мой взгляд, сформировавшийся из многократного общения с писателем, личность Юрия Трифонова более всего объясняется его же словами, сказанными об одном из персонажей: «Не герой, не ангел, не феномен, но с чем-то внутри безусловно феноменальным». От природы ему была дана способность увидеть в частном проявлении жизни общую закономерность окружающего бытия. Способность эту он развил многократно. Развил неустанным трудом и поиском художника, широким общением с людьми, которое приводило к тому, что позже, за письмен-

ным столом, в вечерней тишине вспоминались «мелочи, чепуха, неуловимое, даже не поступки, не слова, просто взгляды». И тогда рождались столь памятные многим образы трифоновской прозы. Страстная и личная для автора, такой же она ощущалась и читателями. «Студенты», «Утоление жажды», «Нетерпение», «Предварительные итоги», «Обмен», «Долгое прощание», «Другая жизнь», «Дом на набережной», «Старик», «Исчезновение», «Время и место», многочисленные рассказы – такова была стихия прозы Трифонова, что в течение трех десятилетий вызывала страстный отклик читателей и ревностно-бурные споры текущей критики.

Созданная Юрием Трифоновым литература выходила на наших глазах за рамки собственно предмета искусства, сливаясь с реальной живой повседневностью, столь знакомой каждому. Герои той литературы были нашими современниками, они несли в себе социальный заряд своего времени и самосознание, мировосприятие автора-создателя. Именно поэтому романы, повести, рассказы, киносценарии и пьесы Юрия Трифонова являются художественными автографами минувших и настоящих лет. Историческое мышление Трифонова-прозаика вычерчивало каждый новый автограф-произведение

прежде всего потому, что «это все важно для истории», как говорил один из персонажей трифоновских романов. Для истории не абстрактной, а конкретной, не книжной истории своего народа и своей страны.

Отвергая соблазнительную возможность мифологизации отдельных ключевых поворотов общественной истории страны, Трифонов собственным путем поиска, обретений и потерь вышел на тернистый путь «антииллюзорности» изображения исторических событий, человеческих судеб. «Моя почва – это все, чем Россия перестрадала», – скажет писатель устами героя одного из своих произведений. Вот эту верность исторической правде Юрий Валентинович возвращал и поощрял в учениках, возглавляя семинар прозы в Литературном институте имени А.М.Горького в 1970-е годы. Участвуя в этом трифоновском семинаре, я был свидетелем бесед, точнее, собеседований мастера с молодыми прозаиками. Пройдя школу творческих семинаров К.А.Федина и К.Г.Паустовского, Юрий Трифонов щедро делился со своими учениками опытом, обретенным в Литинституте конца 1940-х годов. На семинаре он любил повторять чеховскую фразу о том, что «многописание – великая, спасительная вещь». Скажет эту фразу, помолчит и добавит с убеждающей интонацией: «Особенно важно я бы сказал: бурнописание, страстнописание. Нельзя, решив посвятить себя искусству, выдавливать, как из тюбика, кусочками, полусохшую пасту. В поисках своей темы, стиля, возможностей надо кидаться в разные стороны, пытаться пробовать одно, другое, третье. Редко, правда, но бывает, что человек сразу себя находит. И еще надо уметь ставить себе большие задачи, даже непосильные, на грани невозможного. Спаси пишущего человека могут не отдельные листочки и тетрадки, а груды исписанной бумаги. Не бойтесь быть графоманами. Во всяком случае, непременно что-то выйдет – или шедевр, или открытие правды о самом себе».

Многое из сказанного Трифоновым на семинаре прозы в Литинституте позже вошло в его книгу «Продолжительные уроки». Действительно, многие уроки Юрия Трифонова стали для его учеников продолжительными во времени и в творческой самооценке, оставшись надолго духовными автографами их наставника. Личное общение мастера с молодыми литераторами во многом ускорило время добрых надежд для начинающих прозаиков. Анатолий Монахов, Нина Жукова, Сергей Соловьев, Чары Аширов, Татьяна Сухарева, Александр Кротов – каждый из них, составлявших ядро последнего трифоновского семина-

ра, вписал свою художественную строку в общую книгу современной прозы.

В одном из интервью Юрий Валентинович особо выделил творчество молодого туркменского прозаика Чары Аширова, ярко заявившего о себе повестью «Доехать до Теджена». В прозе Ч.Аширова, окончившего Литинститут в 1978 году, Ю.В.Трифонов увидел отблеск собственных, до конца не осуществленных замыслов, когда он, молодой выпускник Литературного института, уехал весной 1952 года по командировке «Нового мира» в Среднюю Азию, на строительство Туркменского канала. В рецензии на повесть Аширова Юрий Трифонов писал, что автор по-настоящему изучил жизнь туркменского села, уклад и быт его жителей, являясь истинным сыном своей земли. Зная сдержанность Трифонова в оценках различных современных литературных произведений, понимаешь, насколько незаурядным должен быть прозаик, чтобы заслужить такие слова.

По-настоящему я открыл для себя Трифонов-писателя в 1975 году, когда прочел в «Новом мире» его повесть «Другая жизнь». Зримо оживали те далекие, полузабытые исторические реалии, оттененные штрихами повседневного нашего быта. Несколько озадачивал финал повести, в котором еще предстояло со временем разобраться, осмысливая прочитанное. Обо всем этом у меня и был долгий разговор с Юрием Валентиновичем в пустой аудитории Литинститута. А спустя несколько месяцев в журнале «Дружба народов» (1976) я прочитал «Дом на набережной», после чего обратился к Трифонову с расспросами о его давней документальной повести «Отблеск костра» (1965), посвященной отцу – Валентину Андреевичу Трифонову (1888–1938), неистовому бойцу большевистской гвардии ленинского призыва, ставшего со временем одним из организаторов Красной гвардии и первым председателем Военной коллегии Верховного Суда СССР.

«Отблеск...» – это повесть-документ, где каждая страница дышит воспоминанием-размышлением о судьбе отдельной личности и всей страны эпохи революционной смуты и постреволюционного уклада (как не вспомнить толстовское «мысль семейная», переходящая в «мысль народную»).

Из воспоминаний детства Юрию Трифонову запомнился 1936 год. В том же «Отблеске...» читаем: «Отец любил делать бумажные змеи. В субботу он приезжал на дачу, мы сидели до позднего вечера, строгаи планки, резали бумагу, клеили, рисовали на бумаге страшные рожи. Рано утром выходили через задние ворота на луг, кото-

рый тянулся до самой реки, но реки не было видно, а был виден только высокий противоположный берег, желтый песчаный откос, сосны, избы, колокольня Троице-Лыковской церкви, торчащая из сосен на самом высоком месте берега. Я бежал по мокрому лугу, разматывая бечевку, страшась того, что отец сделал что-нибудь не совсем так и змей не поднимется, и змей действительно поднимался не сразу, некоторое время он волочился по траве, неудачно пытался взлететь и опускался, трепыхался, как курица, и вдруг медленно и чудесно всплывал за моей спиной, я бежал изо всех сил дальше.

Ни у кого не было таких больших, так громко трещащих змеев, как у меня. Потому что отец делал их из старых военных карт, напечатанных на плотной бумаге, а некоторые карты были даже на полотняной подкладке.

Мне всегда было немного жаль истреблять эти карты, такие красивые, добротные, со множеством мельчайших названий, напечатанных старинным шрифтом с буквами ять... Это были царские армейские карты, но их использовали наши во время Гражданской войны.

Отец почему-то не жалел эти карты. Он считал, что они сделали свое дело.

Высоко в синем небе плавал и трещал змей, сделанный из карты Восточного фронта, где отец провел такие тяжелые месяцы с лета 1918 до лета 1919 года...

Но об этом я узнал позже. Мне было 11 лет, когда ночью приехали люди в военном и на той же даче, где мы запускали змеев, арестовали отца и увезли. Мы с сестрой спали, отец не захотел будить нас. Так мы и не попрощались. Это было в ночь на 22 июня 1937 года.

Прошло много лет, прежде чем я по-настоящему понял, кем был мой отец и что он делал во время революции, и прошло еще много лет, прежде чем я смог сказать об этом вслух.

Разбирая архив отца, Трифонов погружался в огневую атмосферу революционного пожара, первые искры которого вспыхивали еще на заре XX века. «Меня заворожил запах времени, который сохранился в старых телеграммах, протоколах, газетах, листовках, письмах. Они все были окрашены красным цветом, отблеском того громадного гудящего костра, в огне которого сгорела вся прежняя российская жизнь», – писал Юрий Валентинович.

Донские казаки – 16-летний Валентин Трифонов и его старший брат Евгений – вступили в партию большевиков в 1904 году, а уже через год участвовали в вооруженном восстании в Ростове. «Вот так они вступили в партию. И так началась и

кончилась их юность: баррикадами, судом и Сибирью», – писал Юрий Трифонов об отце и дяде.

По прошествии двух десятилетий они стали профессиональными революционерами, старыми большевиками-каторжанами, прошедшими тюрьмы и ссылки, взлеты и падения, сгоревшие, в итоге, в том огромном неуправляемом костре смуты, беззакония и неутоленной жажды справедливости, который они столь усердно, не щадя живота своего, раздували в ожидании затянувшейся Мировой революции, уверовав в утопические призывы вождей-временщиков, безжалостно уничтожавших своих соратников в борьбе за власть. Вожди, казавшиеся героическим революционным иконоostasом, как оказалось, «не были какими-то дьявольскими сверхчеловеками, посланцами сатаны, а были ничтожными маленькими людишками, которых, как пену, вынесло вдруг на гребень истории» (Ю.Трифонов).

Сказано это было о вождях нацистской Германии 1930-х годов, но с зеркальной проекцией на происходящее в СССР, где тогда стараниями политики Сталина повсюду ковался будущий фашистский меч. После подписания пакта «Молотова-Риббентропа» (1939) Германия получила от СССР для своих военных потребностей сотни тысяч тонн нефти, марганцевой руды, десятки тысяч тонн меди, более одного миллиона тонн лесоматериалов, полтора миллиона тонн зерна. Более того, наша страна покупала для Германии металл в третьих странах. На 22 июня 1941 года Германия задолжала СССР 229 миллионов рейхсмарок. Помимо этого, по приказу Сталина было репрессировано около половины всего командного состава Красной армии.

Образ костра возник в воображении Трифонова после детального изучения бурной биографии отца и его сподвижников по партии (по его определению – «кочегаров революции»), вступивших с врагами в бой роковой, но не ведая своих будущих безвестных судеб...

Вот и дядя писателя, боевой казак Евгений Трифонов (первая партийная кличка «Женька Казак»), прошедший, как и его младший брат, Тобольский и Туруханский остроги – главные сыльно-каторжные места России, написал свою книгу-исповедь революционера под названием «В дыму костров». Его натруженное сердце не выдержало (умер в 1937 году) бесконечной борьбы за светлые идеалы грядуще-отдаляющегося коммунизма, который вроде маячил на горизонте, но неизменно отступал по мере приближения к нему. Позднее, отрезвев от угара революционного бытия, Евгений Андреевич высказал

свое горькое прозрение в «Покаянном стихе», напечатав его в сборнике «Буйный хмель» (1922):

*То, что вынес, не трудно.
Что стерпел, не беда.
Все былое – минутно
И ушло навсегда.*

*Но за то, что сгорело
В буйном пламени лет,
И за мысль и за дело
Дам я горький ответ!*

*И тогда в приговоре
Оправданья не жди,
Что прошло, то не горе.
Горе все – впереди!*

*Не осилить мне снова
Черных дней одному.
Разум спросит сурово...
Что отвечу ему?*

*Как отвечу я Богу,
Где достану я сил?
Что имел – понемногу
Растерял и забыл.*

*И родимому краю
Я немного отдал.
Что на свете я знаю?
Что я в жизни видал?*

*Так, с минувшим в разладе
И грядущему враг,
Ты к последней расплате
Поплеться, бедняк,*

*С сердцем в тягостном споре,
С вечной мукой в груди...
Ах, что было – не горе,
Горе все – впереди!*

Вот уж действительно, напророчил...

«На каждом человеке лежит отблеск истории. Одних он опалает жарким и грозным светом, на других едва заметен, чуть теплится, но он существует на всех. История польхает как громадный костер, и каждый из нас бросает в него свой хворост», – размышлял Трифонов.

Продолжал бросать свой хворост в тот костер и отец писателя, занимая в 1920–1930-е годы высокие посты. В частности, он был первым председателем высшего военного судебного органа

СССР, готовя документы по решению организационно-правовых вопросов по реорганизации трибуналов, включая кадровые вопросы. В те годы он подготовил ряд документов («Об угрозе народному хозяйству со стороны управленческих учреждений», «О работе Госплана» и другие), направляя их в ЦК РКП(б) и лично Сталину. Многие идеи В.А.Трифопова были положены в основу решений по организации деятельности военной юстиции, которые шли вразрез с теорией и практикой сталинских органов власти. Так же, как его статья «Фронт и тыл» (1919) содержала новаторские предложения, касающиеся дальнейших действий РККА в пору грядущей войны. В рабочих записях В.А.Трифопова о роли «сталинско-ворошиловской» конницы, отвергая ее боеспособность, вообще не говорится ни слова.

Сестра писателя Т.В.Трифопова вспоминала: «В Серебряном Бору отец встретил Ворошилова верхом в окружении большой охраны. Отец рассказывал маме: «Клим сидит в седле, как собака на заборе. Я его спросил: «Не помочь ли?» Мама ахнула: «Зачем же ты так?» – «Не удержался», – ответил отец».

Написав книгу «Контурь грядущей войны» (1936–1937), В.А.Трифонов ставил прямо вопрос о неизбежной скорой схватке с немецким фашизмом. В ней он, в частности, предупреждал: «Новейшие средства войны создали могущественное оружие для нападения на суше и в воздухе, причем мощь этого оружия усиливается во сто крат в условиях внезапности. Необходимо, кстати, отметить, что у нас все признают, как вывод из современной обстановки, как нечто совершенно бесспорное, что фашисты нападут на Советский Союз неожиданно, внезапно, но из этого признания далеко не все делают надлежащие выводы. Очень многие относятся к истине, содержащейся в этом выводе, с пагубным равнодушием, будучи почему-то убеждены, что истина эта будет иметь практическое применение в первую очередь в отношении каких-то других государств, а не Советского Союза; эти странные люди не хотят верить, что, может быть, в первую очередь именно им придется проснуться однажды от грохота взрывов авиабомб противника».

Книга не вышла в свет. В начале 1937 года Валентин Андреевич послал рукопись членам Политбюро – Сталину, Молотову, Ворошилову, Орджоникидзе. Ответа он так и не дождался. «Их молчание и было ответом. И «ответ» этот скоро пришел: его принесли люди в военном, которые приехали ночью в Серебряный Бор. Отцу было тогда 49 лет», – вспоминал Юрий Трифонов.

Валентин Андреевич Трифонов был арестован как «участник троцкистской, диверсионно-вредительской, террористической организации» и агент германской разведки. Его арестовали без санкции прокурора на основании справки, составленной в НКВД 4 февраля 1936 года. Прошло более года, прежде чем нарком НКВД Н.И.Ежов подписал ордер на арест Трифонова.

В камере на Лубянке он был старожилом, проведя в ней 9 месяцев. Производил впечатление сильного, волевого, замкнутого человека. Как вспоминал его сокамерник: «Одет он был незатейливо, почти по-рабочему. Худощавый, черно-ватый, слегка сутулый, он походил на сцепщика с фонарем из «Анны Карениной». И еще: на рабочего из стихотворения Гумилева, который отливал пулю («...Пуля, им отлитая, просвищет / Над седою, вспененной Двиной, / Пуля, им отлитая, отыщет / Грудь мою, она пришла за мной»). Говорил: «Нас всех взяли с прикупом. То ли битьем, то ли со страху наговорите, но непременно что-нибудь скажете, что вам известно». На вопрос, чем это кончится в стране, вдруг тихо сказал: «Судьба Сталина – это судьба Павла I. Войдут два здоровых солдата и придушат».

Слышавший эту фразу заметил: «Тогда, видимо, многие на это надеялись, но двух гвардейцев в России не нашлось».

15 марта 1938 года после суда, который длился 15 минут, В.А.Трифонов был расстрелян. В тот же день после подобных судилищ было расстреляно еще 116 человек. В расстрельном списке значились: Н.И.Бухарин, А.И.Рыков, Н.Н.Крестинский, сотрудники Разведуправления, работники Коминтерна и НКВД, музейщики, библиотекари, журналисты, студенты, рабочие (от грузчика до чистильщика сапог). Прах их покоится в земле в подмосковной печально-известной «Коммунарке» – обители Г.Ягоды и его опричников.

И еще из воспоминаний сокамерника М.И.Казанина: «Валентин Андреевич рассказывал, что двадцать лет назад, в марте 1918 года, когда Советское правительство переехало из Петрограда в Москву, Трифонов вместе со своими сотрудниками ходили по Москве, присматривая подходящее здание для ЧК, и... выбрали дом на Малой Лубянке, 2... За что боролись, на то и напоролись...»

«Отец стоял близко к огню. Он был одним из тех, кто раздувал пламя: неустанным работником, кочегаром революции, одним из истопников этой гигантской топки», – говорил Юрий Валентинович.

Мать писателя Евгения Абрамовна Трифонова-Лурье (1904–1957) была осуждена за нежелание отречься от мужа на 8 лет с отбытием срока в Ка-

рагандинском лагере. Осиротевшие дети остались на попечении бабушки (по материнской линии) – Татьяны Александровны Словатинской (1879–1957), работавшей дежурным секретарем в приемной ЦК партии.

Разговоры с писателем проясняли для меня, литератора-семинариста, присущее Трифонову чувство истории, нашедшее свое художественное воплощение в его книгах. Его важнейшее убеждение: «История присутствует в каждом сегодняшнем дне, в каждой человеческой судьбе. Сегодня сознание писателя – это его историческая память».

В ту лицейскую пору нам, студентам Литинститута, посчастливилось общаться (кому дальше, кому ближе) и с другими яркими педагогами-личностями, среди которых были: Михаил Павлович Еремин (русская литература), Валентина Александровна Дынник и Сергей Дмитриевич Артамонов (зарубежная литература), Аза Алибековна Тахо-Годи (античная литература), а еще поэты и прозаики – руководители различных семинаров. Да и сам ректор В.Ф.Пименов, пришедший реальным призраком из далекой сталинской эпохи (курировал как начальник главного управления театров Комитета по делам искусств СССР все театры страны, закрывая одним росчерком пера наиболее неблагонадежные, – о той же Таганке говорил: «Идейно невыдержанный театр»), был колоритной фигурой, следивший за идейным состоянием незрелых творческих умов. «Нам критики-объективисты не нужны», – сказал он как-то, выступая на нашем семинаре критики, где в то время (1973–1978) со мной учились такие ныне известные лица, как Владимир Вигилянский (о. Владимир, бывший пресс-секретарь Патриарха Алексия II), Наталья Боневская, Владимир Бондаренко и другие литераторы, ставшие профессионалами своего дела. Но это, к слову, о людях Литинститута.

Помню долгий разговор Трифонова в сквере Литинститута возле памятника Герцену с Федором Григорьевичем Бирюковым, другом Шолохова, историком донского казачества. У нас в институте он заведовал кафедрой языкознания. Речь у них шла о легендарных комдивах, организаторах крупных конных соединений РККА – Б.Думенко и Ф.Миронове – «первых шашках Республики». Отзвуки той беседы слышны в романе «Старик», работу над которым Трифонов тогда завершал. В марте 1978 года роман был опубликован в журнале «Дружба народов». Попутно замечу, что благодаря прозе Трифонова этот журнал, ведомый опытным Сергеем Баруздиным, стал невероятно популярен, подняв свой тираж.

Память о прошлом дает повод и в нашем XXI веке не только вспомнить, но и осмыслить художественно-философское наследие таких мастеров как Трифонов. Он весь не только в литературной, но и в народной памяти. «Постоянно читая Трифонова, я слышу голос этого писателя, расточительно забытого», – справедливо пишет А.П.Шитов в фундаментальном биобиблиографическом исследовании жизни и творчества Трифонова («Время Юрия Трифонова: человек в истории и история в человеке. 1925–1981». М.: Новый хронограф, 2011). Главное слово здесь – расточительно. От этого понятия – прямой путь к забвению...

Слава богу, время и место Юрия Трифонова остаются в нашей повседневности.

В последние годы жизни Юрия Трифонова Московский театр драмы и комедии на Таганке (главный режиссер Ю. П. Любимов), где я в ту пору был на преддипломной практике, рецензируя пьесы, поступающие в литературную часть театра, осуществил постановку спектаклей по произведениям писателя «Обмен» (1976) и «Дом на набережной» (1980). С этого времени начался новый этап в драматургическом творчестве писателя, решившего вплотную приблизиться к работе для театра. Насколько серьезно Трифонов относился к сценической трактовке своих литературных работ, говорит тот факт, что он просмотрел подряд первые одиннадцать спектаклей, не считая предварительных прогонов, по повести «Обмен». Я видел все эти спектакли, поэтому за достоверность факта ручаюсь. Из одиннадцати он признал удачными лишь три.

Могу уверенно сказать, что в общении с Любимовым Трифонов обрел второе дыхание, от этих встреч он испытывал вдохновение и чувство постоянного удивления. Ему было просто интересно бывать на репетициях, вдыхать воздух Таганки, слушать, как работает Юрий Петрович с актерами («Мы показываем не психологическую драму, а память истории», – говорил Любимов, разъясняя смысл спектакля «Дом на набережной»).

«...Юрий Любимов – за своим режиссерским пультом в седьмом ряду, у прохода. Рядом откинулся в кресле автор – тихий и внимательный Юрий Трифонов в роговых очках с толстыми стеклами. Время от времени они полупрозрачно обмениваются репликами...

Актер Александр Сабинин играет Ганчука, старого, одинокого профессора-догматика... Трифонов пытается помочь актеру найти нужное психологическое самочувствие», – вспоминал очевидец репетиции «Дома...» А.А.Гершкович.

Вдова писателя Ольга Романовна Трифонова-

Мирошниченко вспоминала о том времени: «Юра скрывал симптомы болезни. Возможно, и от себя. Но сейчас чаще среди дня ложился на диван с книгой. Труднее стало уговорить его пойти на прием, на премьеру. Мы теперь постоянно жили на даче. И в Москву только на репетиции «Дома на набережной» в Театре на Таганке он выбирался легко, радостно».

Исполнитель одной из главных ролей в «Доме...» актер Вениамин Смехов делился своими воспоминаниями: «Вообще, авторов до премьеры в театре боялись. Автор на репетиции? Ужас! Что они смыслят в театре?! Всегда такого наговорят... И довольны бывают – наивно. И ругают – невпопад. Юрий Трифонов на Таганке – счастливое исключение. Хотя репетируется (читай: корежится, ломается вдоль и поперек) его родное детище. Трифонов сидит возле Любимова тихо-спокойно. Он не автор пьесы, он – друг Юрия Петровича. Значит – доверие к таланту. И постоянное предчувствие подарка, праздника, чуда. Пред-ЧУДствие на Таганке. А что будни бывают тусклы, и режиссер сердится, и актеры «не попадают» – это не беда. Писательского и жизненного опыта хватает, чтобы не «придавать значения злословью». Какие могут быть доказательства в театре? «Мне нравится» – и все доказано. «Я в восторге» – и тоже доказано, даже более солидно... Генеральные репетиции «Дома на набережной». Юрий Валентинович озабочен, совсем как Любимов: этот актер не тянет; здесь нет перехода между картинами...»

Напомню, что Ю.П. Любимов планировал создать на сцене театра своеобразную трифоновскую трилогию, поставив «Обмен», «Дом на набережной» и «Старик» (были подготовлены сценарная разработка «Старика» и эскизы костюмов, но постановку запретил секретарь ЦК КПСС, идеолог М.В.Зимянин; эту же постановку не одолел и прославленный МХАТ).

Несколько слов о сценографии гениального Давида Боровского. Вот зримое представление того, что было на сцене: «В спектакле «Дом на набережной» Ю.Любимов и Д.Боровский вновь подтвердили свою чуткость к образному строю литературного материала. Перекрывающая зеркало сцены стеклянная конструкция, сплошь состоящая из окон, делит пространство надвое, включая в его орбиту и зрительный зал, являющийся здесь частью единого театрального мира. Настоящее и прошлое, между ними узкий помост на авансцене, подобный паркету набережной, тесная тропка, где никак не разойтись персонажам, и они часто задевают друг друга, случайно сталкиваются – на фоне огромной, «в тысячу

окон», стеклянной стены, в центре которой сетчатая дверь лифта – единственный вход в некогда существовавшую жизнь» (А.Демидов).

Не случайно на разборе в Управлении культуры прозвучала фраза известного шекспироведа Александра Аникста: «Глядел я на эти окна в спектакле и видел настоящие окна и мемориальные доски на фасаде дома. Если отметить по-честному всех и каждого, кто отсюда был выброшен в лагерное пекло, кто здесь жил и погиб в сталинское время, – все окна закроют эти доски с именами, дома не видно будет – одни только доски!..»

Из этой сценической декорации «Дом Правительства» выросал до символа сталинского времени, когда на примере одного дома-квартала была «показана история микрокосма, типичного для времен сталинского произвола», – как отмечал итальянский журналист В.Вазиле.

Здесь уместно заметить, что в 1970–80-е годы зарубежное литературоведение активно разрабатывало трифоновское творчество, многие пытались разгадать «роман души», «роман с историей» в произведениях писателя. Вот и мой американский друг-филолог Джеральд Майклсон продолжает пропагандировать художественное наследие Трифонова среди студентов-славистов в своем Канзасском университете.

И еще одно таганское впечатление. Мне довелось быть свидетелем беседы Ю.В.Трифонова с Владимиром Высоцким, в которой шла речь о прозе легендарного барда. Было это в один из весенних дней 1976 года. Высоцкий заинтересованно расспрашивал Трифонова о персонажах повести «Дом на набережной», прочитав ее в журнале «Дружба народов». И вдруг по ходу разговора неожиданно сказал с некоторым смущением, покосившись на стоящую рядом Марину Влади: «А я сейчас тоже пишу роман...» Немного словный и обстоятельный Трифонов, всегда больше слушавший, нежели говоривший, вдруг оживился и удивленно спросил: «Вы... роман?..» В ответ Высоцкий лишь улыбнулся и почему-то предпочел уйти от разговора...

Лишь после смерти актера мы узнали об этой его прозе, он действительно тогда писал «Роман о девочках», опубликованный лишь в 1988 году в журнале «Нева». Об этом в том же году была моя рецензия в «Книжном обозрении», которая так и называлась «Роман-песня».

Высоцкий, его притчевые песни-баллады – особая привязанность Трифонова. Личность поэта привлекала его. В нем он видел не только актера, а огромного самобытного художника, ставшего своеобразным символом советской эпохи. Имен-

но об этом он говорил и на панихиде памяти Высоцкого в театре, и в отдельных беседах, развивая свою мысль о гражданской позиции поэта-барда.

«...Думаю, можно согласиться с мнением, что творчество Владимира Высоцкого – биография нашего времени. Правда, биография – это нечто связанное, последовательное, Володя же в своих песнях, вернее – в большинстве своих песен, в разные времена охватил очень важные и, если можно так сказать, очень большие «пункты» нашей истории, жизни нашего народа. Ведь он отзывался, рассказывал нам, почти обо всем, чем жил наш народ... Он охватил огромный спектр нашей жизни, поэтому так велика и для многих, может быть, неожиданна оказалась популярность этого человека... И неудивительно, что он был понятен многим... Поэтов в России всегда было много. Россия вообще страна поэтов, она любит поэзию. Но любовь такого масштаба, такого характера, как к Высоцкому, уникальна, ее можно сравнить только, допустим, с Есениным».

И в истории советского театра Юрий Трифонов оставил свои драматургические автографы, если учесть, что его дебют как драматурга состоялся еще в 1950 году, когда главный режиссер московского театра имени Ермоловой А.М.Лобанов осуществил постановку по повести Трифонова «Студенты» (спектакль назывался «Молодые годы»), за которую автор получил в 1951 году Сталинскую (Государственную) премию 3-й степени.

Об этом событии своей жизни Трифонов вспоминал так: «...В «Студентах», произведении незрелом и ученическом, Лобанова привлекли, очевидно, какие-то приметы времени, какие-то показавшиеся ему точными подробностями жизни... Я имею в виду не требуху жалких натуралистических мелочисшек, не фотографирование, не бытописание, а подробности психологические, тончайшие мотивы и побуждения, определяющие характер и поступки. Часто присутствуя на репетициях, я наблюдал, как Андрей Михайлович (бывало и раздражение, и насмешки, и язвительность) шаг за шагом, нанизывая один мотив на другой, создавал драгоценнейшее: атмосферу достоверности... Да и спектакль «Молодые годы», если мне не изменяет память, пользовался некоторое время успехом: на первых представлениях занавес поднимался раз восемь! Это мучение я хорошо помню, потому что надо было кланяться, и Андрей Михайлович хватал меня цепкой рукой, тянул к освещенной рампе и шептал сердито: «Да идите же, Юрий Валентинович...»

Да, да. Было, было. Все так, – скажет скрипучим голосом автор 1979-го – и тем не менее повесть слабая, да и спектакль был не ахти...»

В январе 1950 года Юрий Трифонов на семинаре К.Федина в Литинституте читал главы из повести «Учебный год» (впоследствии «Студенты»), которую тот рекомендовал для печати в журнал «Новый мир» А.А.Твардовскому. Редактора для рукописи нашел сам Твардовский – это была известная в литературных кругах Ленинграда и Москвы Тамара Григорьевна Габбе. Об этом времени Юрий Валентинович вспоминал с теплотой.

Повесть была напечатана в двух номерах «Нового мира» (1950, № 10, 11). «Моя жизнь изменилась. Внезапно я стал известным писателем. Теперь я сомневаюсь: писатель ли? Но тогда, конечно, не сомневался ни минуты. Обрушились потоки писем, дискуссии, диспуты, телеграммы с вызовом в другие города... Катаев сказал, что в два счета сделал бы из меня Ильфа и Петрова...» – рассказывал Трифонов.

После своего ошеломляющего дебюта Трифонов стал широко известен в литературных кругах Москвы и Ленинграда. Публикация вызвала оглушительную реакцию и в самом Литинституте. «Это же про нас. Про наши споры, проработки, подсижки. Ведь и в нашем институте выявили космополитов не только среди профессуры, но и среди студентов... Помню, я прочитал «Студентов» на одном дыхании. Самой поразительной мне показалась абсолютная узнаваемость персонажей. Такие чувства испытывал не я один. Мой однокурсник Ш. как бы подвел черту под разговорами на эту тему: «Здорово написал. Как на фотографии. Все ребята один к одному».

Что же касается авторской позиции – какие тут могут быть упреки? Кто решится защищать этих безродных отщепенцев? А если ты напишешь в их защиту – кто тебя напечатает? И вообще, тут не может быть двух мнений. Есть передовица в «Правде». Это и есть мое мнение. С этой стороны претензий к Трифонову не было... Если ты объявлен космополитом, то не надо упорствовать, надо покаяться и тут же, без промедления, исправиться. Так велит передовица. Именно об этом пишет Трифонов. И как пишет. Это вам уже не передовица. Это же самая настоящая нетленка», – вспоминал сокурсник писателя А.П.Злобин.

В те же дни в родном Литинституте прошла встреча студентов с Ильей Эренбургом. По рядам прошла записка о повести «Студенты». Эренбург развернул бумажку и прочитал ее вслух, ответив: «Автор весьма талантлив, но я хотел бы надеяться, что он когда-нибудь пожалеет о том, что написал эту книгу».

Фраза прозвучала провидчески, отозвав-

шись глубоким покаянным смыслом в «Доме на набережной»...

И все же клеймо «сын врага народа» довлело над молодым писателем. Без конца шли проработки, поиски пятен в биографии. Юрий Валентинович вспоминал: «...Как гром среди ясного неба: исключение из комсомола за то, что я скрыл, что являюсь сыном «врага народа». Начался новый пароксизм шумихи вокруг «Студентов», на этот раз – скандал... Лауреат, которого следовало исключать. Ах, вот была жалость для руководителей Союза писателей, что не успели меня принять в члены и теперь были лишены сладости исключать!.. Вопрос обсуждался на секретариате. Кажется, особенно свирепствовали Бубеннов, Соболев, Панферов и Шагинян. Старая полуидiotка требовала чуть ли не отобрать у меня премию. Были бы рады это сделать, но страх перед именем – премии-то сталинские – леденил руки».

И добавлял: «Никому не ведомый, мальчишка, двадцать пять лет, едва выскочил на страницы журнала, даже книги нет и не член Союза – и вдруг лауреат! Факт ошеломительный, невыносимый. Ведь для большинства, для сотен бедных творцов за последние годы единственной целью и страстной грезой жизни стала не книга, не творение, а таинственная благодать – лауреатство. Это была земля обетованная, берег с райскими кущами, куда надо доплыть, и они плыли, гребли, махали руками, выбивались из сил... Все это я понял гораздо позже. А тогда влетел в литературу, как дурак с мороза».

Когда я завел с ним разговор о «Студентах» на даче в Пахре, Трифонов стал говорить об этой книге с некоторым раздражением и самоуничижением, удивляясь, что эту историю еще помнят в том же Литинституте. Он как бы пытался предать этот эпизод своей творческой биографии полному забвению. Я попросил его подарить экземпляр повести, на что он ответил резко отрицательно, сославшись, что у него ничего не сохранилось... Вот и в письме Л.И.Левину в 1970 году он писал: «...Как я отношусь сейчас к «Студентам»? Иногда равнодушно, иногда – мне делается неловко за многое. И главное, за то, что это была странная смесь искренности и хитрости, которую я наивно считал обязательной... Во всей книге, при ее явно оптимистическом характере, был все же налет некоей грусти, некоего нытья, – что резко отличало книгу от трескучих и уж вовсе барабанных романов тех лет, – и читатель почуял, поверил... Ведь диспуты и обсуждения этой книги приняли совершенно гомерические размеры. В некоторых институтах и университетах... диспуты шли по два

дня. Сейчас мне все это кажется смешно. Но ведь люди спорили, шумели и горячились абсолютно искренне!..»

Вспоминаю вечер на даче Трифонова в Красной Пахре 1 января 1980 года. Незадолго до того Юрий Валентинович вернулся из Италии, поэтому разговор шел вокруг этой поездки, много говорилось о театре Ла-Скала. Сидевшие за столом писатели из Болгарии рассказывали о новинках болгарской литературы, в частности, о книгах Павла Вежинова. Затем перешли к разговору о 1920-х годах, говорили о С.Есенине, вспомнили А.Воронского и его «Красную новь» (Юрий Валентинович проявлял большой интерес к этому изданию). Потом Трифонов пригласил меня на второй этаж, в свой рабочий кабинет, стеллажи которого были сплошь уставлены книгами, включая сборники Трифонова, изданные за рубежом (около 40 изданий!). В тот вечер он подарил мне номер журнала «Дружба народов» (1979, № 10) со своей публикацией «Вспоминания о муках немоты» о семинаре К.А.Федина в Литинституте. На журнальной странице осталась размашистая надпись: «Алексею Казакову – дружески, с пожеланием упорства, труда и удач! Юрий Трифонов. 1. 1. 80».

Перебирая сегодня книги с автографами Трифонова, я воспринимаю их как логическое продолжение моих нынешних встреч с произведениями писателя, а каждый автограф видится мне своеобразной пунктирной линией, очерчивающей единый рисунок образа выдающегося художника слова.

Незадолго до рокового марта 1981 года я был у Юрия Валентиновича дома, в его квартире на улице Георгию Дежа, 8. По ходу нашего разговора сделал несколько снимков писателя, совершенно не предполагая, что эти фотографии окажутся последними в жизни Трифонова. Снимки он видел, был удивлен и доволен, одним из них он хотел в будущем открыть свою новую книгу. И мне же, так случилось, довелось сделать снимки похорон Трифонова на Кунцевском кладбище в Москве 1 апреля 1981 года...

Сегодня ясно, что написанные Юрием Трифоновым книги существуют самостоятельной жизнью, вне текучести и изменчивости преходящих обстоятельств. Оттого и невозможно долгое прощание с прозой Трифонова. Кинолента памяти вновь и вновь возвращает вас в Серебряный Бор, где по соседнему лугу бежит мальчик с бумажным змеем, сделанным из старой отцовской карты времен Гражданской войны (образ-память детских лет писателя), поднимает на площадку Троице-Лыковской колокольни под самый колокол: с этого смотрового верха вам видна по-прежнему вся Москва, уходящая за горизонт в алеющие зарницы, где светятся и пропадают дальние огни высотных домов, среди которых в дымке выделяется зловеще-жертвенный силуэт Дома на набережной, а резкие порывы ветра здесь вдруг особенно ощутимы. И это все нескончаемо живет не прошлым, но настоящим, которое ты знал, старался осмыслить, понять...

□

Алексей Леонидович КАЗАКОВ

родился в 1949 году в Челябинске.

Литературовед, критик, издатель.

Окончил Литературный институт им. А. М. Горького

и аспирантуру Института мировой литературы

им. А. М. Горького Академии наук СССР.

Член Союза журналистов РСФСР и член Союза писателей России.

Выпустил ряд книг, в частности – о творчестве С. Есенина.

Опубликовал десятки статей и очерков в «Литературной России»,

«Комсомольской правде», «Литературном обозрении»,

«В мире книг» и других изданиях.

Живет в Челябинске.

